

Шейна Бурдейная
Одесса
Украина
Интервью

Интервьюер: Людмила Гриншпун.

Сегодня 12 января 2003 г. Представьтесь, пожалуйста.

Шейла Моисеевна Бурдейная.

Где и когда вы родились?

Рыбница. Это Молдавия. 1922 год.

День, месяц?

По-еврейски, если быть точным, мама говорила, что это вторую свечку зажигали, на Хануку. А записана в свидетельстве 24 декабря.

Кто ваши родители? Как звали маму, папу?

Мама была домохозяйкой, не работала. Папа работал. У него была тяжелая жизнь. Он умер в 50 лет, после гетто в 1944 году. Всю первую империалистическую войну просидел в окопах. Моисей Яковлевич Бару. Был советским служащим. Маму звали Маня. Девичья фамилия Кчук.

Вы помните имена бабушек и дедушек?

Папиных родителей я помню. Бабушка умерла рано, я ношу ее имя Шеля. Деда звали Янкл Бару. Он, может, был не адвокатом, но занимался делами в суде. Это было даже не в 20-м столетии, а еще в 19-м. Он работал не на государство, а частным образом, писал

заявления, выступал. Его звали Шрайбаш, письмоводитель.

Где вы жили?

Я жила в Рыбнице.

Вы можете описать ваших дедушку и бабушку?

Бабушка была очень красивой и очень умной. Она была очень грамотной для того времени и знала не только иврит и идиш, а и русский. В синагоге считалось счастьем возле нее сидеть, так как она умела читать и молилась, а в то время это было редкостью, не каждый это умел. А в тишебул (это праздник разрушения первого храма), так у бабушки был большой двор, из бабушкиного дома выносили все, открывали окна и приходило много этих женщин, садились на пол, а бабушка сидела и читала, а все слушали. Но закончила она «хорошо».

Какое она получила образование?

Где-то там ее учили Еврейское образование. Все их дети не были особыми интеллигентами, но все были грамотные. По-русски моя мама читала до последней минуты. Она читала книги без очков. Когда я была ребенком, я очень любила мансыс, это на идиш сказки, так она мне рассказывала и про Иосифа, и про Мойше, и о библии. Они мне вместо сказок это рассказывали. А тети мне рассказывали о Гавроше, о Козетте. Все это я знала в детстве не как книжки, а как сказки.

Опишите, пожалуйста, бабушку.

Была среднего роста, выше меня. У бабушки был очень тяжелый конец. Ее убили румыны в 1941 году. Она даже не имела, тогда было тяжело насчет материалов, она хотела умереть по-еврейски. Она все время была окутана этой тканью, но был август месяц, очень жарко. Нас гоняли с места на место, их загнали в один дом, нас не было с ними. И она разоблачила все это самое, положила куда-то, чтобы немножечко передохнуть, а их сразу опять выгнали. 12 человек, бабушка и дядя, который пришел из армии, вышел из окружения и пришел к нам домой. Русские, местные крестьяне шли к себе домой, и евреи тоже возвращались в свои семьи. Его мать старуха с дочкой и ее детьми подростками и тетя моя была беременна, и девочка была лет 8-ми., и он держал девочку на руках 3-х лет. Так они проявили жалость, гуманный акт.

Они забрали у него эту маленькую девочку и отдали этой тете и их оставили, а бабушку и дядю с остальными погнали и потом их нашли где-то около Днестра уже в 1945-46, после войны. Когда была Бесарабия, то были построены укрепления и потом их взорвали, там их и закопали.

Сколько бабушке было лет?

Полагаю, что ей было лет 70. Мама моя была не первой молодости женщина. Мама поздно замуж вышла. Поздно меня родила, и маме было лет 55, а значит бабушке лет 70. А дедушка умер своей смертью. Был купцом небольшого пошиба, торговал зерном, при доме был склад. Они были очень порядочные люди. Умер он где-то в 1938 году своей смертью. Бабушка рассказывала, что он очень болел, мокрый плеврит. И она сама его возила в Одессу. Ему здесь делали операцию. Я это говорю к тому, что она была такая женщина, не то что активная, а могла общаться с людьми. Ведь она жила в небольшом городке, где было много евреев.

А Рыбница что был за городок?

Это была советская Молдавия. У нас были и пионеры и комсомольцы. Я была очень счастлива, когда деда взяли в колхоз. Казалось, что большего счастья нет на свете. Но бабушка была страшно опозорена, у нее было много богатых родственников. Племянников высылали. А дед был вообще у разбитого корыта. И его пригласили. Мы жили на территории, рядом с крестьянами, и в гетто мы потом жили в своем доме, это называлось «половинка». И пригласили нас. Я ходила на собрания. Колхоз назывался «Освобождение Бесарабии». Это был мамин папа, Кучук. А папин дедушка умер давно своей смертью, он был Бару. Это он был стряпчим.

Кем был ваш папа?

Папа работал в «Заготзерно». Работал завскладом или приемщиком, не знаю, как это называлось. Бывало, что мы уезжали в глубинку, его посылали. Я помню, что был такой скандальный момент. Был Йом-Кипур, а все бегают и говорят, что Бару едет красным обозом. Рядом с Рыбницей деревни и они собрали обоз с зерном и с красным знаменем, музыкой везли хлеб. А отец должен был присутствовать. Это была работа.

А у папы были братья и сестры?

Да у него были и братья и сестры. Они жили в Рыбнице. Хаим, он был старше папы. Очень умный хороший человек. Жил не совсем в Рыбнице, а в Песчанке, небольшом городке рядом. Имел мануфактурный магазин. Это Сонин папа. Их тоже раскулачили. Он пришел к нам в Рыбницу, а тут была промышленность. Это был неплохой городок, а не забитое местечко. Были каменные разработки. И он туда пошел работать. А потом снова пошел работать в магазин. Уляна из его магазина, во время гетто, как она его обхаживала, больше, чем родная была. Магазин был как бы арендованный, на окраине, т.е. не в центре городка. Его называли 45 километр. Он торговал в обычном магазине продавцом.

Потом была тетя старше папы. Ее сын был председателем райсовета. Ее звали Сура. Я вам говорю еврейские имена. Она была высокая. Имела несколько детей. Фамилия была Гитман. И когда нужно было эвакуироваться, то он ей дал подводы, что бы выехать, а она не хотела ехать без нас, т.е. без своего брата. Папа тогда был больной, сидение в окопах не прошло даром. Он был больной, и легкие и сердце. Он уже не работал последний год перед войной. А я тоже говорила, что не поеду. Мы жили с бабушкой и еще одной тетей. Ее уже нет в живых, а ее дочка живет в Израиле. С этой двоюродной сестрой мы всегда жили вместе. В общем, всех погрузили на эти две подводы. Потом мы потерялись. Эта тетя была беременна. Первый год войны. Страшный мороз. Истощенная, страшная. И моя мама, и тетя этого ребенка взяли, завернули в какое-то тряпье. А потом не знаю, что с ним случилось. Замерз или его прижали. Но тетя не жалела, она говорила, что всем туда дорога. Мы ее оставили. Вокруг Рыбницы были села. Была комунна «Берштерн»,

это на идиш звезда. Она создана советской властью, но не очень удачно. Еврейская коммуна-колхоз. Очень многие евреи остались без дел. Мастеровые, портные имели свое дело. Были артели. Еще при царе было поселение Гершуновка. Там евреям разрешали заниматься земледелием. И там муж этой тети, которую убили и маму его убили, жил в этой Гершуновке. Тетю звали Витя. У моего деда были какие-то имена: Витя, Сойбл, Цизя. Ее потом в Рашкове со всеми детьми убили. Тоже тетя, но со стороны мамы. Мы уехали и по дороге завезли эту тетю туда. Думали, что уйдем подальше от Днестра и освободимся от всех несчастий. Румыны уже перешли Прут и начали напирать на Днестр. Казалось, что уже все, и поэтому все хотели быть подальше от Днестра. А мы жили на самом Днестре. Потом мы поехали дальше, (это было уже ночью) в какое-то село, Домница. А моего папу знали вокруг всего района. Он был очень хорошим человеком. Семен Валиновский его увидел и сказал, что нечего тебе ехать, и оставил нас у себя. И мы с тетей этой и сестрой, всего пять человек остались. И были, пока канонада приблизилась, и шли пешком, попали в Красные Окна. Потом румыны стали нас выгонять. Они потом уехали в Балту. Это старшая сестра папы. Там тоже оказалось гетто. Там у нее была дочка, муж которой пришел из армии. У них был ребенок до войны, потом там родился ребенок. Когда уходили в 1944 году, там именно немцы были, то они просто ходили и стреляли в гетто. Вошли они в дом, и получилось, что какие-то подростки родственники успели убежать через окно. А ее подруга стояла с другим ребенком у двери, и когда немцы открыли дверь, то она оказалась за дверью. В тетю мою сразу стреляли, а она стояла с маленьким ребенком на руках, но ребенок остался жив. Ребенок заплакал, и она потянулась за ребенком, а немцы опять выстрелили и убили. А ребенок так и остался жив. Потом, когда освободили нас всех, они поехали и забрали этого ребенка и старшую девочку тоже. Кажется, младшая умерла, не помню. А в Рыбнице на кладбище выкопали больших размеров яму. Через Рыбницу шли из всех лагерей Бессарабии. Выделили подвод и лошадей и с Рыбницы до Колбасной ходили и подбирали трупы, бросали в эту самую яму на еврейском кладбище. Другая тетя, папина сестра, в селе пряталась со своими детьми. Ее звали Гитл. Она пришла в гетто уже потом. Мы пришли рано, когда только все организовывалось. Там был все же порядок, не знаю благодаря кому. Говорили, что Примарю, румынскому полковнику. Может, он действительно хотел нас спасать. Приходил каждый день и смотрел, чем мы занимаемся, вел беседы. Планы строили насчет парка. Снесли ряд еврейских домов и строили парк имени Антонеску. Еврейка говорила: «Дер парк и зе штуд, дер нун из нунен зер паркер, штаими ин зер штуд.» В переводе это значит: есть имя, нет парка, есть парк нет имени. Так эта тетя пришла с детьми. И каждый раз были облавы. Забрали человек 15. И тетю и одного офицера и они не вернулись. Расстреляли, говорили, мол, без паспортов. Бессарабцы богатые, что пришли, смогли внести мзду и их отпускали, а бедные, из Кодымы, тех не выпускали. В эту партию попал один офицер. У него жена Анюта. С самой границы он с ней ходил. Не был похож на еврея. Жил среди русских. Но к несчастью она была типичной. Женщинам он очень нравился. Он чувствовал, что ее вот-вот выдадут. И они пришли в гетто. И попали. Человек шел с самой границы, с Белостока. Это где-то 1942-43 год.

Сколько было у папы сестер?

Дядя был еще один в Америке. Он первый нам написал. Папа послал ему фотографию. Там у него были усы, небольшие. Так дядя, тогда написал, что, мол, у тебя усы, как у Гитлера. А мы тогда еще о Гитлере и не слышали. Это были 30-е годы. Дальше мы уже знали, кто такой Гитлер.

Значит с папиным братом, который жил в Америке переписывались?

Да, до войны переписывались. Его звали Дувид-Лейб. А потом кто-то нашел его потомков и он начал писать письма на английском языке, еврейский он не знал. Сын что-то отвечал, а потом как-то это прекратилось.

Этот брат был старше или младше?

Старше. Уехал в Америку с первой волной. То ли до, то ли сразу после революции. Папу забрали на первую мировую войну, а он видимо уехал раньше. Был намного старше. Я помню фотографию, но их не осталось. Он там женился. Прислал фотографии с женой, а потом писал письма.

Младшие братья и сестры были у папы?

Была еще младшая сестра. Она жила в Одессе. Ее муж был строитель. Мамины все погибли. У мамы было 4-е сестры и брат.

Назовите их имена.

Фейга, правда, не погибла. Она жила с нами и умерла уже своей смертью уже сейчас. Дядя Срул. Мама была самая старшая. Потом дядя Срул, он жил последние годы в Одессе. Был эвакуирован. Девочки его пошли в армию. Одна дочка сейчас в Германии, а другая где-то на Урале живет. Где-то он потерялся в эвакуации. Был такой слабенький человек. Неприспособлен был к этой жизни. Потом была тетя Фейга, которая была с нами. Тетя Цизя с детьми жила в городке Рашков в Молдавии. Их убили. Потом была тетя Витя, которая с этим ребенком. Она была такая красивая, с такой косой. А умерла таким дистрофиком, такой ужас. Была еще Сойбл. Жила здесь в Одессе. Так мой двоюродный брат учился в машиностроительном техникуме. Тети Фейги сын. Но его очень ранили во время обороны Одессы. И его разрешили сопровождать в эвакуацию кому-нибудь. Пришли к этой тете Сойбл, но она отказалась, потому что муж участвовал в обороне Одессы. Не хотела оставлять мужа. И она здесь в Одессе погибла и муж не известно где. И брат где-то умер. Хотела я поставить всем погибшим какую-то стелу.

Опишите Рыбницу.

Рыбница довольно большой город. Было 5 синагог, это немало. Мой дедушка ходил в бесамедраш. Хасидов он терпеть не мог, я тоже их не любила. Самым главным был не ребе, я аруф. Аруф это человек, который все законы знает. К нему обращаются за всеми советами. Ребе был приезжий и не пользовался авторитетом. Он был видимо хази, а это ведь тоже какая-то секта.

До войны вы посещали синагогу всей семьей?

Я никогда. Я в школе училась, была пионеркой. Доходило до того, что мне стыдно вспоминать, папе не давала пойти и заказать молитву за упокой. Я была диктатором в доме. И когда приходила к бабушке тетя Рухл, ее племянница, она приходила и все бабушке рассказывала и старалась, чтобы я не слышала, хотя мне было лет 6-7. И вместе с тем у меня было видно предчувствие такое, что я все переживу. Мне, например, рассказали о Деникине, о погромах. У меня такой страх вызвали эти рассказы, что я не спала. И что мне только не обещали, ничего не помогало. Повезли меня к какой-то бабке, она выкатывала какое-то, яйцо. Это было в 1925-1926 году, какие там деникинцы, а я боялась, так хорошо мне рассказали.

А бабушка ходила в синагогу?

Конечно. Фанатичкой она не была, но всего придерживалась. На Пейсах, какие у нас приготовления были с этой посудой! Печь русская раскаленная, туда бросали эти камни в бочку с водой, а потом чтобы и бочка эта была чистой. Как убирался этот стол! Висячая лампа, эти люстры. Проводился седер. А каждую субботу! Этот кидуш делал дедушка. Вот так сидел типа в кресле и припеваючи читал молитвы, У них был оцецулт. Не могу вспомнить, что делали с посудой в течение дня. Ее что не мыли? Было такая металлическая сетка, под низом ставились лампы, а сверху стекло. Все готовилось и ставилось, закрывалось. Как это все не загоралось? Все это находилось в состоянии подогретости до обеда. Я не помню, как убирался стол. Куда

убирали посуду, ведь не стояла же она целый день на столе. А потом этот аруф ввел разные послабления. Например, говорили, что город окружен электролиниями и он уже как дом. Раньше же нельзя было носить молитвенник с собой, а теперь можно уже носить и передвигаться. Наверно это были местные придумки. Невозможно было же жить при советской власти.

В вашей семье соблюдали кашрут?

Нет. Папа был больным человеком. Ел все время нутряк, как лекарство. Мы часто ездили с папой по деревням, а там ели все.

У вас есть братья и сестры?

Нет. Я у родителей одна.

А двоюродные братья и сестры?

В Одессе есть только Люся, троюродная племянница.

Мама сколько лет прожила?

Мама прожила до 80 лет и умерла в 1967 году. Я из Рыбницы уехала, вышла замуж, а муж служил в армии до 1956 года, а поженились мы в 1946 году. Он забрал меня в Одессу, и мы жили уже в Одессе. Он тоже из Рыбницы. Знакомы мы были до войны. Он был на 10 лет меня старше. Говорил, что специально приезжал из-за меня.

Приятно вспомнить, что кому-то была нужна.

Свой дом, в котором жили, можете описать?

Типа крестьянского, молдавского. У нас был большой двор, и были деревья во дворе. Не знаю, какой дом был старше, скорее всего дед купил этот молдавский, с «каса маре». Это половина, здесь комната с кухней, сени такие. Но потом был построен еще дом, в котором жила бабушка. При доме был еще склад, где дед хранил зерно, ведь он занимался торговлей зерном. В 1932-33 было страшное наводнение, дом их завалился и, когда начали расчищать, то нашли золотые монеты, которые видимо где-то завалились между половицами. Старый дом оставили дочке, когда она вышла замуж. Но мы часто уезжали с отцом и жили в других местах. И этот дом считался нашим.

А какая мебель была в доме?

Нормальная мебель. У нас был такой красивый шкаф из орехового дерева с красивым вырезанным узором. Стол с гнутыми ножками. Была деревянная кровать с красивыми набалдашниками. Хорошая мебель.

А у бабушки?

Тоже хорошая. У нее был темный шкаф, кушетка, над столом висела красивая лампа. Еще были кровати, спальня была. У бабушки был стенной шкаф и этажерка с книгами. У бабушки были две комнаты и большая кухня, и склад. А у нас большая и две маленькие комнаты с одной стороны, а потом через сени кухня и маленькая комнатка. Отапливались печками, они назывались грубы. Топили лузгой от семечек. Папа же работал в заготзерно. Были специальные приспособления. Барабан такой вставлялся в поддувало. В гетто мы всем топили. И листьями и чем могли найти. Эстер работала в госпитале, так она таскала куски бревен. Я работала на сахарном заводе. Не то, что я там работала, а там было много угля, и его решили вывезти в Румынию. И мы таскали этот уголь. Это было далеко, за городом. Наш дом тоже пострадал от наводнения. В 1941 году тоже было сильное наводнение. И какая-то молдаванка заняла наш дом. И когда мы пришли мы не имели где жить. Мы все вместе жили. Каждый имел свой уголок. Но нас очень поддерживали крестьяне, не знаю, уж кто они были по национальности, папу знали и любили. Так они стали этой женщине говорить, что, мол, тебе мало домов? Зачем тебе дом Бару, отдай ключи. И она отдала нам ключи. Мы зашли, а там внутри все в следах от наводнения. И папа с мамой сделали, как они сумели, сделали перегородки, печь такую временную. Но потом пришли к нам из примаверии еврейской. Из Кишинева

приблудились, остались богатые люди, евреи. Нас никто не заставлял их приютить. Отец, две дочки и зять. Другие две дочки жили в Бухаресте, а Бухарест не трогали. Они были денежные. И они обещали давать 15 марок оккупационных, если мы уступим это жилье. И мы уступили, перешли в маленькую комнатку. Нас было пятеро, была еще Голдочка, которая потом утонула. Жили в кухоньке и комнатке при ней. Мы остались нищие. Но нам очень помогали. Мы не могли выходить, но к нам могли заходить. Через нас проходила дорога из сел. Всякие заготовительные пути. Буряк возили, тыкву возили, и все возили. И каждый забежит и что-то оставит, и что - то бросит. У нас все было завалено этим. Початки кукурузы. Не было муки, и мы толкли кукурузу. Мы остались голые в прямом смысле. Когда в 1941 году нас погнали в дезкамеру, так как был сыпной тиф, и гнали всех подряд, то та одежда, что была на нас, сгорела в дезкамере. И папа бегал, и нам что-то дали. Вообще с папой считались, он был уважаемым человеком в городке. Папе дали пропуск на выход. Дали веник, совок и торбу и он мог смог выходить из гетто. Он ходил и убирал на другом участке дороги. Просто превратился в нищего. Ему кто что подавал, он брал. Приносил мне книги. И один раз он пришел в заготзерно, где работал все годы, а там грузили сою. И ему сказали взять, а скорее просто дали. Но в это время подошел жандарм и увидел, и его забрали в жандармерию. Бедненький он еле приполз домой через трое суток. И тоже вмешались всякие, а не просто так. Наши богатые постояльцы вмешались и его отпустили. После этого он совсем стал плохой. Папа был хорошим человеком. Нас освободили в конце марта 1944, а в августе он уже умер. Помню, что был тышебул, и мы торопились, что бы сделать все до праздника. В праздник не принято хоронить по еврейскому обычаю. Помню, как отмечали праздник Йом-Кипур. Как эти куры мы над собой крутили. Капурес шлум. Капурес это жертва, а шлум бить так будет точный перевод. А потом ночью приходил с помощником, с фонарем и резали этих кур. Шойхет. Это делали во дворе, у нас был большой двор. Все собирались. Помню, как хумец собирал. Перед праздником Пейсах на каждый подоконник он клал это самое, а потом сам сметал, сметал, сметал, а потом когда уже печь была раскаленная, туда забрасывали то, что считалось хумец.

А как отмечали Суккот?

Я помню, как отмечали. Дедушка делал сейку. Не было постоянной постройки. Он ее делал во дворе, руки были хорошие. У нас было много деревьев во дворе, прутьев, он из них делал сейкер. И вот он там сам, я не помню, что бы я была сама когда-то в сейке. Я помню Симхестоир. Он брал меня с собой, и ходили мы с этим флажком, праздновали это все. Пурим я помню грагор, эти трещетки. Всюду меня брали с собой, все мне рассказывали, все я знала.

Какую школу вы закончили?

Вообще-то украинскую. Семь лет я училась в еврейской школе. Дело в том, что всегда национальная политика. В то время говорили, что каждый должен учиться по своей национальности. Меня определили в украинскую школу. Тогда были пятидневки. Году это было в 1930-29. Я в 1940 закончила 10 классов. В последний день пятидневки пришла одна, я даже запомнила ее фамилию Быкова. Еврейка как видно, так как говорила она с нами по-еврейски. Дети, я знаю так много еврейских игр, и так буду с вами играть. Кто хочет по-еврейски поговорить со мной, выйдите. И так много детей вышло. Городок был небольшой, и дома говорили в основном по-еврейски. Мы знали русский, украинский совсем не знала. Перед тем, как идти в школу, мне брали учительницу, что бы идти в украинскую. Моя подруга и дома не разговаривала по-русски, Мать врач, отец тоже что такое. Не знаю, знали ли они еврейский язык. Но ей было интересно, и она тоже решила выйти со мной. Мы ушли домой на выходные дни, приходим, а нам говорят, что такие-то, такие-то соберитесь и вы пойдете с нами в еврейскую школу. Какую еврейскую школу? Мы вас

распределили в еврейскую школу. А тогда школы как таковой не было, потом дали хорошее здание. А сначала было здание не очень приспособленное. Но была хорошая школа, что говорить. Такая хорошая школа, кружки всякие. Драмкружок. И все, кто оканчивал эту школу, все высшее образование получали. И Иося и Соня, все они из этой еврейской школы. Была хорошая школа, очень хорошая. День Тараса Шевченко праздновали, был целый уголок ему посвященный. В честь Пушкина устраивались маскарады. Девочки наряжались Земфирами. «Витязь в тигровой шкуре» мы тоже знали. Хорошая школа, не могу жаловаться. Но когда я пошла в другую школу, то не могла освоить украинский язык. Моя двоюродная сестра, она жила потом в Одессе и работала участковым врачом где-то на Белинского, после 8 или 9 классов еврейской школы, приехала в Одессу, а тогда были рабфаки при каждом институте, поступила на рабфак при медицинском. Проучилась год или два, не знаю. Экзамены они все равно сдавали, но поблажки какие-то были. Она поступила в Одесский мединститут. Я тоже хотела. Я приехала в Одессу, это было после 7-го класса. Наша еврейская школа начала разваливаться. Кто переходил в украинскую школу, кто-то еще куда. Это был уж 1937-38 год. И я хотела на этот рабфак. А если я хотела, то папа со мной поехал. Нужно было пройти медкомиссию, где мне вдруг сказали, что у меня неважно с сердцем, хотя я никогда не жаловалась. Кроме того, нужно было сдать экзамен за 8 классов, а у меня было только 7 классов. Тут я встретила девочку, нашу землячку. И она мне сказала, чтобы я шла в ее школу, 58, на Дегтярной, вернее на Кузнечной. И я пошла в эту школу и год в ней прозанималась. И, между прочим, морально я очень страдала, особенно в начале. Я очень хорошо училась, все хорошо помнила, и вот как-то на уроке по истории, я даже помню тему, что об образовании цехов в Германии, я хотела ответить, поднялась и начала говорить, но поняла, что мне не хватает слов или я говорю не те слова. И так это меня прибило, что я уже ни на что не отваживалась. Еле закончила этот 8-ой класс и вернулась к себе домой. Девочки все уже были в украинской школе, они меня туда взяли. Там я и училась, хорошо училась. Единственная оценка «посредственно», была по украинскому языку. Литературу я знала очень хорошо, много читала.

Где же вы жили в Одессе?

Тут же у меня тетя жила. А потом я приехала поступать в медицинский институт в 1940-ом году после окончания 10 класса. Снова украинский язык мне помешал. Я сдала русский письменный и устный, а потом письменный украинский и собиралась на устный экзамен, то мне сказали, что я не сдала. Мне казалось, что это самое большое горе в моей жизни. В те времена были такие институты, которые не добирали студентов. Одним из таких институтов был индустриальный, сегодня это политехнический. Там не нужно было сдавать украинский язык. Я пошла на химический факультет. И я пошла на химический факультет в этот институт. Это где сейчас нархоз, там был институт на Гоголя (один корпус индустриального института). А лекции по физике были при университете. Прозанималась я один семестр, а потом решила, чего я должна заниматься этой химией, когда я хочу быть медиком. Мне суждено было попасть в гетто. Я вернулась домой.

А после войны вы поступали?

Да, сделала попытку. Поступала в Кишиневский мединститут. Моя подруга жила в Новосибирске, ее сестра работала в канцелярии, где имела доступ к документам. И она сделала документы, то я там сдавала какие-то зачеты и экзамены. И я поступала. Сдала документы и ждала. Получила вызов на экзамены. Очень хорошо сдала экзамены, но это было лето 1945 года, когда поступало много фронтовиков. Еще национальные кадры. И мне сказали, что меня берут, но без хлебной карточки и без стипендии. Как я могла на такое решиться, папы уже не было. Я работала к тому времени бухгалтером в банке в Рыбнице. Потом я училась на курсах в Кишиневе.

Работала в правлении госбанка в Кишиневе. Я всю жизнь работала главными бухгалтерами, но высшего образования так и не получила. Больше практики. На этих Кишиневских курсах я проучилась 6 месяцев и получила право работать в банках 1 разряда, так я хорошо закончила. Меня даже оставили в правлении Молдавского госбанка. Но потом я приехала домой. Вышла замуж. Уехала в Одессу. Тут я тоже много раз была потом на курсах.

Когда вы приехали в Одессу, где вы поселились?

Муж очень хотел, чтобы мы жили вместе. Несмотря на то, что он был военный, никто ему никакой квартиры не предложил. А у него в Рыбнице была квартира, вернее три квартиры, он поехал к маме, мама ему дала доверенность, он продал какие-то квартиры, и приехал и купил в Одессе квартиру. А просто купить было нельзя. Вроде его приписали, а потом, когда я приехала, и меня приписали. Люди, которые заняли эту квартиру, благородные люди, они не могли оформить на себя эту квартиру, так как заняли ее во время войны незаконно. И когда приехала какая-то их родственница из эвакуации, муж которой погиб на войне, они оформили эту квартиру на нее. Эта родственница жила на улице Щепкина с родителями и у нее была прекрасная квартира. Они думали, что, по-родственному, все будет хорошо. Меня приписали в этой квартире. Но потом эта родственница решила дать своей дочери музыкальное образование. И все, что они дали за эту комнату, хорошую комнату на улице Маразлиевской, 7. Мраморные лестницы, витражи, считается очень хороший дом. И получилось, что нас попросили освободить квартиру. Формально она хозяйка, жена погибшего, а мой муж еврей. Это было в те годы. Муж пытался добиться справедливости, но его даже вызывали в военную прокуратуру, как он мол смеет, а то, что он прошел всю войну, никого не волновало. Он получал пенсию не за то, что был военным все эти 20 лет, а за то, что был все время на фронте, где год шел за три. Обращались во все инстанции, даже в Киев, ничего не помогло. Я тогда уже работала на строй участке, мне дали рабочего. И эта женщина разрешила отгородить в ее комнате, которая была 35 метров, кусок. Мы вышли на лестничную клетку без отопления, без всего. Даже примус было поставить негде. Ставили буржуйку. В таких условиях мы прожили 10 лет, пока я не получила квартиру. Получила на улице Каманина, это 8-я станция Большого Фонтана. Там построили ведомственный дом, и я получила в нем квартиру. Мой сын не может мне простить и сейчас, что мы оттуда ушли. Мы пришли в коммунальную квартиру сюда. Муж тогда уже очень болел, он умер рано в 52 года. И ему было страшно, там не было телефона. Он хотел в город. Татьяна Денисовна сделала нам, как говорят в Одессе, вырванные годы. Потом мы подружились. Сначала был ужас, что она нам делала. Переехали сюда мы в 1960 году. Три года мы прожили на улице Каманина. Мой сын пошел и сфотографировался около нашей бывшей квартиры. Он никак не может понять, как можно из самостоятельной квартиры переехать в коммунальную? Сегодняшняя квартира – это выделенная из той коммунальной. Потом я вышла замуж еще раз, и потом уже разделили. В 1974 делили эту квартиру. Отопление делали в 1965 и на всю квартиру. Теперь после раздела, соседи меняются и меняются. Последняя считает, что она хозяйка квартиры, сама не живет, сдает жильцам. А отопление стоит на ее половине, и она регулирует газ. И у меня не очень тепло. Пока был жив муж, мы вообще не платили, так как он был инвалидом войны. А теперь я должна платить. Соседка меня уже предупредила, что летом будет делать ремонт и мою квартиру отрежут от отопления. У многих такие же проблемы. Я ушла из большой кухни, нас осталось двое, сын живет в Москве. Говорят, теперь есть маленькие АГВ, которые я могу поставить в своей кухне. Мне не везло. Когда меня брали учиться без хлебной карточки, то я иду с Кларой, у меня есть подруга, она занималась на филологическом в университете в Кишиневе. Такая боевая. Бедная, она сейчас одна осталась, хуже меня. Я ей говорю: «Смотри, вот мой

родственник он был в Верховном Совете, так это называлось тогда». Она его окликнула и начал он помогать мне, ходил всюду со мной по начальству, но никого нужных людей мы не заставляли. А потом мне позвонили и сказали, что мест нет, надо подождать. Хотел мне родственник помочь, но не получилось.

Вы помните день смерти Сталина?

Как я переживала, о чем вы говорите. Мне казалось, что без Сталина и жизни не будет.

А как вы отнеслись к тому, что образовалось государство Израиль?

Очень хорошо. Я считаю, что это самое лучшее, что могло быть. Но только я вначале говорила, что я туда не поеду. После того, что я была в гетто и видела как евреи могут поступать с евреями, я поняла, что русские поступали с нами лучше, чем евреи. Но вместе с тем, я считала, что еврейское государство должно быть. Оно должно было быть сильным, не должно было быть этих уступок. Если не было бы этих уступок, ведь крепко держались. Не было никаких терактов. А дали уступки, и пошло, и поехало. Слабых все бьют. Как нас перебили во время войны? Такие здоровые парни были, их как на бойню везли и ничего. Боялись, я даже не знаю, чего боялись. Да их убили бы, но ведь и они что-то сделали бы. Вы понимаете, на местное население мы не можем обижаться, Все говорили, что мы нужны, что мы очищаем город, что все делается нашими руками. Все это говорилось в нашу пользу. Этот Колонел, старый человек. Я не могу сказать, что он был добрый, но никогда ничего плохого не делал. Какого черта он приходил почти каждый день на площадь, куда мы приходили на работу рано утром! Разговаривал он с нами через переводчика. Потом он создал специальную бригаду, белая или голубая по-румынски, а может по-французски, не помню, как она называлась. Из нас забрал молодых, и когда был городской сад в Рыбнице (там когда-то жил помещик) он собрал всех и мы делали какие-то заборы, выкрутасы. Он нам все время искал какую-то работу, иначе нас могли расстрелять. Почти три года мы строили этот парк.

Вы все время были под румынами?

Немцы появлялись. Несколько раз стучали нам в окна ночью. Один раз даже ворвались в дом. Мы жили в районе, где жили молдаване, и где немцы появлялись. Мы были молодые девочки, и не зачмыренные. У нас был нормальный вид.

До войны вы бегали на танцы?

Я нет. Я больше любила читать.

Чем вы еще увлекались?

В основном, книгами. Ну, ходила, конечно, с девочками гулять. Но это не было любимым занятием. Я считала, что не музыкальна.

Что вам рассказывала бабушка?

Рассказывала из библии, про Иосифа, про Якова, про Бенюма, о 12 братьях. А из истории семьи, что-то говорилось. Были какие-то бундисты, сионисты, какие-то кружки. У бабушки были братья, у них тоже сыновья.

Мама с папой, примерно, в каком году поженились?

Где-то в 1919, потому что до меня был ребенок. Их сосватали. Они рассказывали, что были они под хупой, и в это время австрийцы вошли в город, стреляли, был переполох. Они мне рассказывали об этих погромах Деникина. Какую-то тетю изнасиловали.

Какое было образование у мамы?

Начальное какое-то. Наверное, были какие-то школы. Они читали и прекрасно писали по-еврейски. И по-русски мама прекрасно читала. Они все любили читать. Моя мама до последней минуты читала и очками почти не пользовалась. Мама жила со мной. У мамы не было другой жизни кроме меня.

Когда вы переехали в Одессу, вы забрали маму с собой?

Я немного повременила. У нас же были проблемы с квартирой. Но потом приехала подруга и сказала, что если я не хочу потерять маму, тот надо ее забрать. И я забрала ее в квартиру на Маразлиевской

Родственники в Рыбнице остались?

Рыбницы как таковой нет. Там строили ГЭС и все затопили. На горе теперь все, а низина, где мы жили, вся затоплена. Рыбница на уровне Дубоссар. Когда убивали в Красных окнах евреев, их гнали из Дубоссар. Бабушка мне рассказывала про времена Хмельницкого. Это самое страшное, что было. В еврейских книгах когда хотели сказать, что-то страшное, то сравнивали с временами Хмельницкого.

Папины родители, вы с ними общались?

Нет, они жили в Песчанке. Дедушки уже не было. Дядя, который потом приехал, остался потом в Рыбнице. Все они оставались в Рыбнице, так как Рыбница имела промышленность, было, где работать. При советской власти евреев уже не гоняли, главное было, где работать. В Кодыме, например, делать было нечего. В Балте было где работать и в Рыбнице. Известковый завод, каменные разработки, сахарный завод, артели всякие стали потом тоже фабриками: конфетная, кондитерская, минеральных вод. То есть, не деревня какая-то.

1937 год вам чем-то запомнился?

Я помню только Испанию. Меня это страшно волновало, я переживала за испанцев. Мы получали газеты. Я получала «Пионерскую правду», потом «Комсомольскую» и там я все читала. Не могу сказать, что была очень активной комсомолкой. Помню, когда я писала при поступлении в медицинский на свободную тему, то написала о новых освобожденных областях, у меня был такой патриотический подъем, что казалось это зависело от меня. Я так хорошо это написала.

От Рыбницы далеко была граница?

Нет. Мы жили на самом Днестре. Когда он полноводный, то не дай бог, там утонула наша девочка. А так он узкий. Когда освободили в 1940 году, так такое началось! Когда мы ехали поездом в Одессу, она всегда была нашим городом, здесь учились, то была пересадка в Слободке, а это рядом с Котовском. Когда-то Берзула (Котовск) считался Молдавией. Папа ездил к врачам в Котовск, когда ему нужно было делать рентген.

19 января. Вторая кассета.

Как звали бабушку?

Шейна. По-немецки «шойн» красивый, так что у меня очень красивое имя. В паспорте я Шейна Моисеевна. Не такое распространенное.

Как звали папиных сестер?

Мындл Эйкилис, папина сестра. А у папы еще был сводный брат Абрам, он был в армии, потом в плену у румын все годы в Галаце, а потом его сразу забрали в армию и перебросили в Японию, эту войну тоже прошел. И умер уже. У него была другая мать. Дед еще раз женился. Мы удивлялись, что он такой был грамотный, выступал в суде, и речь была, наверное, а она была такая противная женщина, грубая такая. Абрам был примерно 1912 года. А папа был моложе мамы. Его забрали на первую империалистическую войну, он всю ее провел на фронте. Он умер, когда ему было лет 50, значит он где-то 1895-96 года рождения. Он был ранен на этой войне. У него пуля попала в нос. Был контужен, его засыпало, только по торчащему штыку его нашли. У него пуля попала в нос, и он рассказывал, как к нему ужасно относились в госпитале. Сказали, что отрежут нос, и будет он с двух сторон обрезанный. Но он лежал, и что-то делал со своим носом: давил, ковырял или что-то еще, но эта пуля вышла. Он залился кровью, но, во всяком случае, нос остался цел. Он был красивый. На войну он мог уйти и моложе 20 лет. Тогда брали тех, кто попадал под руку. Те, которые у нас жили в гетто, Бадаши, что я уже рассказывала, его отец остался жить в Кишиневе, так как в первой мировой войне участвовал на стороне Румынии и имел

румынские награды. Их тогда человек 12 оставили жить в Кишиневе, так как они имели румынские награды. Они хорошо воевали. Мамин брат, его звали Сруль, его тоже взяли на войну, на 1-ой мировой. Он был маленький, худенький, но его взяли не на строевую, а где-то на склады охранять. И его видимо решили напугать, так у него была потом эпилепсия. Был потом счетовод, бухгалтер, не особенно какое образование, но грамотный. Все получали какое-то образование. Вот моего сына Леву читать научила еврейская бабушка из небольшого местечка или городка, причем прекрасно. Он пошел в школу и умел прекрасно читать. Они не были забытыми. Первичное образование у них у всех было.

Они учились в хедере?

Какой хедер! Хедер был, во-первых, только для мальчиков, чтобы они знали иврит и могли молиться. Но для общего образования он ничего не давал. Еще при мне, я помню, недалеко от нас был хедер, меламед, там несколько мальчиков ходили и там их учили ивриту. Я идиш знаю, а иврит совсем не знаю. Только несколько слов из обихода.

Давайте поговорим о маминых сестрах и брате.

Сруль был третьим после мамы. Тетя Фейга была младше мамы, она жила с нами в гетто. Она осталась с девочкой, сын погиб на войне. Ее фамилия была Авербух. Они остались жить в Рыбнице, потом ее дочь вышла замуж за бессарабского парня, и они переехали в Резину, город в Молдавии. Она там работала в собесе главным бухгалтером, а он в коммунхозе. Погибшего сына Фейги звали Шока, но вообще-то, Саша, а полное еврейское имя было Шопс. Но дома звали Шока, а в документах Саша. А дочку Эстер. Не знаю почему, считают Фира красивее. Эстер и Эсфирь одно и тоже. Эстер связано с Пуримской Эстер. Тетя Фейга прожила хорошо за 80, умерла перед перестройкой, т.е. родилась в начале 1900-х годов.

А как была Цизина фамилия?

Ее фамилия была Крутянская. Ее муж тоже пострадал во время первой мировой войны. Они были богатые люди в свое время. Жили в Литве или Латвии, там, где шли бои и кричали, что евреи шпионы. Их выслали, была тогда масса беженцев. Когда начались поражения, стали кричать, что евреи перебежчики и шпионы. И они оказались в Молдавии. Он был грамотный. Работал в магазине Центрспирт. Он заведовал этим магазином.

А у нее были дети?

Да. У нее дети. Они погибли во время войны. Мальчик Боря постарше и девочка Фира.

А какая была фамилия у Сойбл?

Индман. Она тоже приехала в Одессу и здесь вышла замуж. Жила на ул. Жуковского, 40. У нее был один мальчик, Абраша, который погиб здесь в гетто. Наша родственница, которая вернулась сразу после освобождения Одессы, они ходили узнавали, так дворник рассказывал, что их забрали, а потом как-то они приходили домой, а мальчик был обмороженный, но их снова выгнали. А ведь она могла эвакуироваться со своим племянником, но она не хотела оставлять мужа. А куда он делся? Тогда погибало столько людей!

А тетя Витя?

А Витя - это самая печальная история. Она была с бабушкой, когда ее расстреляли и мужа ее расстреляли. Ее фамилия была Цибульская. Мама была самая старшая. Она родилась примерно в 1887 году. Потом Фейга родилась. Они были погодки. Те были моложе. Потом родился брат, следующая - Цизя., а затем Витя и Сойбл. Во время войны выжили только мама и Фейга. Цибульская - это такая трагедия! Ее не расстреляли, но она погибла от голода, от этих несчастий. Она родила. У нее еще была девочка лет 3-4-х. Уже бегала, разговаривала. Чудная девочка. Начали гнать нас с места на место, и получилось, что она куда-то упала, и она так высохла и

стала как старичок, и она вообще перестала говорить, а только просила «бройталы» хлебушка, а потом только хныкала. Изможденная, еще упала, было лето, жара. Про квартиру, я вам рассказывала. Мы у нее поселились. Появились бригады, которые, особенно бессарабцы, сумели устроиться так. Они меня звали «домнешоры», это барышня. Я же была молодая. Относились они с уважением ко мне. Один раз только меня ударил один, но о нем говорили, что он какой-то плохой. Все начали ему говорить, как ты посмел ее побить? И вообще-то румынских жандармов у нас осталось только два: Мирча и еще какой-то. Мирча говорил по-русски, очень хороший человек, хорошо к нам относился. И несколько раз нас окружали, и мы его просили, и он нас отпускал. И потом были полиция еврейские и украинские. Были и нормальные люди. Офицеры, которые попали в окружение, так они по-человечески относились. А был какой-то Коля, настоящий подонок. Стал, видите ли великим. Сильно издевался. Был какой-то Чиряков, он сидел в тюрьме при советской власти, тоже над нами издевался. А вот когда мы были еще до того, как румыны вошли, за день до этого, помню, они вошли вечером 7 августа, один из НКВД, не то, что я была с ним знакома, подошел ко мне и сказал; «Вот лошадь, бричка и можешь взять, и езжайте» Мой папа не очень умел обращаться с лошадьми, и мы пригласили многодетного отца с нами. Детей посадили на подводу и пожилых. Вы не представляете, как это было! Нас гнали с места на место и Эстер, тети Фейги дочка, которая сейчас в Израиле, она страшно пить хотела. Она выпила что-то помойное. Ей потом было очень плохо. А сколько дней мы добирались до Рыбницы из этих Красных Окон! Нас пустили в какую-то школу на горе в Черном. Нас там было много. Потом нас было мало. Мы были на берегу какой-то речки. Кушать ничего не было. Выносили иногда напиться воды. А потом мы шли и все решили, что надо пойти в это Мокрое, там, где коммуна Бернштерн. Там были такие большие бараки, где жили тогда евреи. Это было как-то к вечеру, было пасмурно, надвигался дождь. И все побежали туда, а мы и еще какие-то наши родственники, Гурвицы, они тоже в лагерь пришли, задержались. И вдруг все возвращаются и говорят, что их туда не пустили. Убирайтесь, мол. И мы вернулись, и пошли по полю, и попали в скирды. Влезли в них, переждали дождь. А потом оказалось, что с поля вернулись женщины, и они пожалели, и всех людей пустили в эти бараки переночевать. А мы были в этом поле, а на горе над нами, мы и не знали, было поселение евреев, еще до революции, Гершуновка. Там, когда мы выбрались из этих скирд, нас увидели из этого села и к нам устремились какие-то здоровые с палками и начали нас гнать с поля и загнали на площадь, где когда-то Ленин стоял. Нас посадили, и мы сидели и ждали, что с нами сделают. Но нам сказали, чтобы мы шли дальше, так как жандармов не было. Дальше, между Рыбницей и Гершуновкой, был совхоз, и там вроде разрешали, так как шла уборочная, брать на работу. И мы туда пошли. Нас кормили, раз в день варили похлебку. И мы работали. Я помню, мне дали серп. Потом комбайнер обратил на меня внимание и, наверное, имел на меня какие-то виды, но потом отстал. Так он держал меня около себя. Но в это время, когда мы с сестрой ходили работать, у нас еще был такой пакунок, это по-украински, такие ценные вещи. У меня было несколько отрезков шифона, крепдешина на платье, и вдруг появились румыны, это мама рассказывала, и когда они увидели это, то так обрадовались. И все у нас забрали. Я была одета в выпускное платье, белое из маркизета. Но оно было очень легкое, еще был на мне такое бархатное типа сарафана. Вот это у меня осталось. Мы вернулись, а у нас ничего совсем не было. Мы там недолго работали. Нужно было идти в Рыбницу. Но говорили, что в Рыбнице страшно, что делается. Там еще не было власти. Когда установили гетто, то уже не убивали, где попало. Убивали, но это было уже по-другому. Были уже жандармы, которые и за нами следили, и за тем, чтобы нас не трогали. И вот эта тетя была более, чем моя мама смелая. Тетя Фейга сделала разведку. Она сама пошла в Рыбницу и рассказала, что

Витя с детьми в Рыбнице, а бабушки уже нет. Мы же потерялись, когда бежали из Рыбницы. И она сказала, что можно возвращаться домой. А идти просто так нельзя, если на кого-нибудь наткнешься, то будет плохо. Но бог нам помог. Нас было пятеро: папа, мама, я, тетя и сестричка. И мы чуть свет вышли и пошли в эту Рыбницу. Пришли туда и мальчишки, откуда они взялись, стали бросать в нас камнями. До войны не было никакого антисемитизма. Я училась рядом с другими. И эти мальчишки кричали не жида, а жиданы, это по-румынски. Но мы добрались в то место, где гетто. Домов уже не было, то ли они сгорели, то ли их разломали, не знаю. Был один дом, где жила моя тетя, очень хороший, самый лучший в гетто, там было три комнаты, но они все были заселены. Каждый имел свой уголок. Мы еще не могли идти в свою, и поехали. А в это время, как мы собираемся ехать, с горы спускается отряд. Мы думали, что это румыны. А это красноармейцы. И среди них этот Аврум, папин брат. Папа стал его просить взять меня с собой. А тот отказался. «Разве мы знаем, куда мы идем, ведь мы идем на верную смерть», - так он сказал. Говоря, что все дороги отрезаны, лучше она будет с вами. И он действительно попал в плен, но в плену как-то выжил. Был при госпитале, парикмахером, что-то там делал. После освобождения его забрали на японскую войну. Он не погиб. Он умер под 80-й год. После войны жил в Рыбнице.

Как звали вашу бабушку?

Фрейда.

О ее родителях что-то знаете?

Я, вообще-то, знаю. Знаю, что было несколько братьев, и была сестра. Цизина мать, это ее сестра. Еще у нее была дочь Рухл, т.е. племянница. И еще два брата у бабушки. Одного звали Янкл. Он был очень богат. Успел уехать в Среднюю Азию. Вроде с ним там было все хорошо. А второй брат Иля тоже был богат, но так тяжело пережил это раскулачивание. Жена с девочкой уехали, а он отказался. Не хотел двигаться с места. Стал бомжем, ну как сейчас. И начал пить. Таким стал пьяницей. Он был богат, был большой дом, у него все было. Нужно было просто бежать, а он не хотел. Его никто не трогал, но он свихнулся. Фамилия его была Гурвиц, а сестры Шойхет. Кучук - это татарская фамилия. Я где-то вычитала, что это значит маленький. А у дедушки был сам не из Рыбницы, а под Григориополем есть Ягорлык что-ли. И там были когда-то татары. Цизя была какая-то бабушка, и внучек называли Цизями. У бабушки была сестра Цизя. У моей мамы тоже, у моей тети была дочка Цизя. Был еще брат Иосип, мамин двоюродный брат. Иля и Янкл были сыновьями ее сестры, Шойхет. А как сестру звали, забыла.

Как звали дедушку?

Шмерл.

Они все были рыбницкие?

Не знаю. Бабушка и вся ее родня были из Рыбницы. Дедушка из Ягорлыка, это недалеко от Дубоссар и Григориополя. У него тоже были братья, племянники. Это Молдавия.

Вы помните имена дедушкиных братьев и сестер?

Племянников я помню. Они приезжали к дедушке. Была тоже Сойбл. Такая красивая женщина. Она была Кучук, т.к. была еще девицей. Был также сын Берл, Борис, тоже приезжал в Рыбницу. Еще другого не помню. Я знаю, что мама когда-то говорила, когда мы еще жили на Маразлиевской, что встретила кого-то в Одессе, кто сказал, что родственники Кучук живут в Одессе, но мама не пошла к ним. Кучук редкая фамилия. Думаю, что Кучук живущий в Одессе, наш какой-то родственник. Я работала в «Медтехнике».

Что вы еще помните о родителях отца?

Я хорошо знала дядю Хаима, тетя знаю очень хорошо. Это была очень дружная семья. Когда тете сын дал подводу, то она отказалась ехать без брата. Это тетя Сура,

старшая сестра. У нее было пятеро детей. Шейна, Бруха, Рувим, который был председателем совета, причем союзного. Фамилия у них была Гитман, а в гетто они писались Бару, видимо в связи как раз с этим Рувимом, т.к. боялись. Они пережили войну, но они были в Балте, а потом сумели перебраться в Рыбницу. Там у них была дочь, чей муж вернулся домой после армии, не сумев выйти из окружения. Она там родила и одного ребенка, потом другого. И в 1944 году уже перед уходом ее расстреляли румыны. Осталась ее подруга, которая сообщила о ее смерти. Тетя поехала и забрала детей. Маленький ребенок умер, совсем была кроха, а девочка выросла. Ее звали Сима. По мужу Фишер, а так Штульман.

Как была фамилия вашего первого мужа?

Бурдейный. Моисей Львович. Они были небогатые, у отца был небольшой магазин, и его отца лишили права голоса, детей никуда не брали. В высшие учебные заведения не брали. И мой муж, как бы сбежал из дома. Он был очень талантлив. Уже тогда собирал детекторные приемники. Сам этим занимался. И он уехал из дома. Сестра потом тоже уехала в Одессу. Купили комнату на Уютной и здесь жили.

Имя сестры?

Броня. Потом она жила в Курске. Уехала в Израиль и там уже умерла. По мужу Шутова, он тоже был еврей. Мой муж инженер связи. Он закончил сначала техникум, потом институт. Его после послали на Камчатку. Он обслуживал радиостанции. Потом он вернулся в Москву, в Подольск к сестре, которая вышла замуж и там поселилась. Устроился работать в радиосвязь. Оттуда ушел воевать. Прошел всю войну, но был не в самых окопах. Потом был в армии до 1955 года. Он фактически никогда не был военным, ни по внешности, ни по духу. Но был большим специалистом своего дела. Его держали в армии. Был полк связи в Сабанском. Я за него вышла замуж, он был еще старшим лейтенантом, а уволился майором. Он был инженером полка. Начали сокращать армию. Муж начал болеть, камень в почках. Муж посмотрел, что уже может получать пенсию, т.к. военные годы шли один за три. Он демобилизовался, и вдруг приходит ему извещение из областного военкомата, что ему неправильно посчитали стаж, и пенсия не положена. Выплатили только выходное пособие. Положение у нас оказалось незавидное. Ведь он мог дослужить эти несколько месяцев. Квартиры не было. Он болен. К моему начальнику пришел посетитель, еврей, который все знает, кажется, юрист. Я ему все рассказала. И он мне посоветовал написать в Политуправление армии Союза, в отдел кадров, там мол помогут. И мы написали, отправили. Прошло несколько месяцев и вдруг приходит ответ: считать уволенным с мая 1956 года, т. е. он будет получать пенсию как за 20 лет. Нам повезло, что были другие времена. Он получал не так уж много – 630 рублей и еще работал в санаториях, чиня их аппаратуру. Также в технологическом институте он работал, там его называли файнмеханик.

Когда родился ваш сын?

В 1949 году. Зовут его Лева. Жена у него Васильева. Живет в Москве.

Что он закончил?

Закончил МФТИ – физико-технический институт. Он закончил с медалью 118-ю школу и поехал поступать в Москву. Украинский он тоже знал плохо, но так как он прекрасно знал физику и математику, они решили дать ему медаль. Физик просил, чтобы он не ходил на уроки, так как делать ему там было нечего. Он выписывал физические журналы, переписывался с Новосибирском. Папа с ним много занимался. Он поехал и сразу поступил. Папы уже не было, он умер, когда Лева был в 9-ом классе. Я поехать с ним не могла, мама болела. Я попросила знакомых за ним присмотреть. Экзамены начинались раньше, чем везде. Он сдавал экзамены, хотя и имел медаль. Сначала жили на квартире, а потом их поселили в общежитии. Институт он закончил тоже с красным дипломом. Еще на 3-ем курсе он начал работать в проектно-институте приборостроения. Он даже получал там зарплату. И

он в этом институте так и остался. Там был в аспирантуре, там защитил диссертацию. Вел лабораторию. Так было до перестройки. Потом этот большой институт на Кутузовском проспекте стал разваливаться. И сын поехал в Италию, нашел там какую-то работу. Потом стал работать на норвежцев. Предпринимателем он никогда не был. Работает он по своей специальности, какие-то радары для судовождения делает. Но все это время продолжал работать в своем институте на полставки. Но ему предложили, чтобы он оформлял свои работы через институт, поэтому он уволился совсем. Не жалеет об этом.

Сколько у вас внуков?

У меня трое внуков. Он второй раз женился. Сейчас двое – Максим и Аня. Максим заканчивает в этом году Менделеевский институт, а Ане 14 лет. Она тоже в какой-то физической школе учится.

В каком году вы вышли замуж второй раз?

В 1966 году. Его звали тоже Моисей. Фамилия Гройсман. Мы были земляки, но я его не знала. Еще был жив первый муж. И он меня как-то спросил, не знаю ли я такого-то. А я знала Наумчика, погибшего на войне. Это был его брат. Документы об этом Наумчике забрали в «Гмилус-Хесед», там собираются делать музей. Он был прекрасный кавалерист. Он был сильный, высокий. Он где-то 1918 года рождения.

Расскажите о дедушке.

Дедушка был очень хорошим человеком. Все делал для семьи. Остался как у разбитого корыта. Знаю, что все время они что-то арендовали. Это до 30-х годов, до раскулачивания. Помню, арендовали под Рыбницей, у какого-то пана, большой фруктовый сад, собирали фрукты и продавали. Потом в Рыбнице была большая агрошкола, там они тоже что-то арендовали. Потом выращивали табак вместе с дочками. Витя и Сойбл жили еще с ними. Они это высаживали, помню, как сушился этот табак. Потом его продавали. Его сдавали. Дед был серьезный. Я помню. Он был среднего роста. Борода, конечно, была. Помню, как он сидел на сейдер, сидел за столом, с талесом, твиллом. Я один раз сделала такую глупость, что папа дал по рукам первый раз в жизни. Я еще в школу не ходила, но говорила, что бога нет и молиться не надо. Дедушка утром встал на молитву, разложил все, а я схватила и сказала, что молиться он не будет. И папа подошел и дал мне по рукам, а меня, как единственную дочку, никогда не наказывали. Жизнь вначале была розовой. У нас дома были везде мезузы, на всех дверях. Я не помню, чтобы я когда-то дотрагивалась до них. Но бабушка, дедушка, мама – обязательно. Папа нет. Он был слишком занят на работе. У него была тяжелая работа по заготовкам зерна. Он часто уезжал в глубинные пункты. Когда он уезжал надолго, то мы ехали с ним. Я запомнила на всю жизнь, как мы жили в настоящей барской усадьбе. Дом белый, лестница, балясины. Наверху скамейка и столик. Первый двор, каретный сарай. Дом принадлежал поляку, пану Зизе. Вокруг дома сирень, но не простая, а персидская. А потом был большой сад, а там качели. А с другой стороны скотный двор, лошади, коровы. Там еще один дом, где жила Маня, родственница хозяина. Она нам потом помогала в гетто. Их потом выслали, этих панов. Дальше были посадки лесные, потом поля. Это было до школы. А потом приехали второй раз, уже все было реквизировано. Уже ничего не было, мы жили у учительницы. Тоже хороший дом. Это было большое село, много больших домов. Я помню, как они праздновали рождество. Аромат этого мяса, копченостей. Что-то они делали с тестом, какие-то зверушки. Помню, мне подарили птичку. У этого пана были две дочки. Одна тоже пострадала. Их выслали. А вторая жила в Рыбнице, была замужем за советским служащим. Был сын Владя. Мы с ним дружили детьми. Я тогда узнала, что можно из соломинки выдувать пузыри. Этот дом мне часто потом снился. А потом, когда я стала старше, папа работал уже в городе. Мама ездила с ним, когда я была в школе, или тетя. Когда мельницей заведовал.

Он воевал. А после возвращения?

Он вернулся, женился и стал служить. Они пострадали от деникинского погрома. Одна моя тетя, кажется Сойбл, была изнасилована. Мне этого, конечно, не говорили, но я слышала разговоры. Кто-то лежал больной, тифом кажется, они забрались к нему. А перья везде летели, и кровь была, они вымазались этим, и когда на них натолкнулись, то не тронули. У тети остались золотые вещи, у всех евреев было золото, Цепи, часы, кольца. У моей мамы ничего не было, все у них забрали. Осталась только серебряная сумочка с зеленым камушком. Но она пропала уже в эту войну. Очень красивая сумочка.

Ваше полное имя – Шейна Моисеевна Бурдейная (Бару)?

Родились в 1922 году. В Рыбнице. Высшего не получила. Работала главным бухгалтером в «Медтехнике», много лет.

А кем начинали, когда приехали в Одессу?

Тоже старшим бухгалтером. В «Южспецстрой». Я ведь уже знала бухгалтерию. Устроилась по знакомству. Меня взяли в Николаев, там был участок. Мужа дома не было. Я оставила записку. Было плохо с продуктами. А мы получали пайки. Я набрала продуктов с собой и поехала. Там были прорабы. По дороге я всех кормила. Поселилась в гостинице. Мне нужно было пару дней, чтобы принять дела. Но тут разлился Буг и развели мосты, и я не могла уехать. Денег у меня было мало, и продукты я раздавала. Думала уже продавать свое колечко. Почти неделю просидела в этом Николаеве. Как мой муж меня схватил на радостях! Телефона не было, ездили на попутках. До меня работал очень хороший специалист, и я по его документам делала все также. Когда я послала первый отчет, то все подумали, что я ас. После этого я работала не рядовым бухгалтером. Приходили девочки из института, и я учила их работать.

Как полностью звали ваших мужей?

Моисей Львович Бурдейный. Моисей Борисович Гройсман. Первый муж меня на 10 лет старше, он родился в 1912 году в Рыбнице. Закончил техникум. Прошел всю войну. Был в окружении. Они пошли восстанавливать станцию, попали в окружение, где были дней 40. Их даже, кажется, даже потом вывозили, сами они уже не могли идти. Страшные.

Что вы знаете о его родителях?

Его отец имел заводик. При советской власти работал каким-то счетным работником. А мама была большая хозяйка. Мне везет, что мои мужья любят и умеют заниматься хозяйством. Я одна была у мамы и никогда дома ничего не делала. Его родители были в эвакуации. Не помню где. Отец умирает там, а мама долго прожила, его пережила. Называли ее Боба. Мужья похоронены здесь в Одессе, на еврейском кладбище. Там много родных. Моя мама, родители второго мужа. Первый муж был пионером на этом кладбище.

А второй кем работал?

Механиком на «Масложиркомбинате». А до этого летал механиком на самолетах транспортной авиации. Начинать он войну танкистом. Горел в танке. Под Ростовом. Потерял слух. Был инвалидом 2-ой группы. Потом работал на авиационном заводе в Ташкенте. Где-то в 50-х годах переехал в Одессу. Войну он встретил на службе в армии. Одно ухо не слышало совсем. Не был ущербным человеком.

Поговорим о вашем отце.

Он родился в 1895-96 году в Песчанке, это Винницкая область. Умер в Рыбнице в 1944 году. Кладбище сохранилось, оно на горе. Но одно время там творились безобразия, нельзя говорить, даже было зайти. Я здесь, на мамином памятнике, сделала надпись и об отце. Но сейчас, я слышала, местная община навела там порядок. Расчистили кладбище. Может, летом поеду. Всю жизнь проработал в Заготзерно. Папа не мог быть религиозным человеком. Люди, которые должны были

думать, как жить, не могли быть религиозными. Он служил в царской армии. Был на фронте. Был ранен в нос, мы об этом уже говорили.

Его братья и сестры?

Был Дувид-Лейб, который в Америке. Тетя Сура была самая старшая. Потом этот Лейб. Потом Хаим, потом Гитл, затем папа, потом Мындл, а потом сводный брат Абраша. Мындл жила в Одессе. Сильно страдала материально. Мой муж получал пайки, и мы не знали, что такое голод. Она приходила ко мне каждый день, и я ее кормила.

Вы помните голодные годы?

Не помню, чтобы голодали.

Что вы еще помните о родителях мужа?

Бурдейные – это не их фамилия. Рассказывали такую историю. Был какой-то его дедушка, на идиш говорили «казенный рабин». Нотариус в еврейской общине, он все записывал. Один из них провинился. Туалетов же не было специальных, и он где-то встал, а сказали, что в не положенном месте. Ему пришлось бежать, так как за это могли и убить. Они в связи с этим поменяли фамилию, что было не трудно сделать, так как записи были в их руках. Кажется, их фамилия была Горин. И было это все в Рыбнице. Так его предки стали Бурдейными.

Дома разговаривали на каком языке?

Говорили только на идиш. Знали все русский, но говорили только на идиш. Я даже с мамой говорила всю жизнь на идиш.

Как дедушка и бабушка одевались?

Дедушка носил бороду. Пейсов таких, как у хасидов не было. К этим хасидам была даже неприязнь. Сейчас они такое место заняли, почему-то они богатые и всем правят. А тогда они не правили всем. Бабушка всегда носила платочек, хотя у нее были очень красивые волосы.

В доме были какие-то помощники?

Дело в том, что у бабушки были дочки. И потом заходила Даруня, не знаю, кажется, молдаванка. Она работы делала в основном перед праздником или в субботу. Печь выпечь. Она приходила несколько раз в неделю. У нее был свой дом, сын, мужа, кажется, не было. Мы ей тоже много оставили, когда уехали, но она потом не вернула ничего. Сказала, что забрали. Мой папа был очень хорошим человеком. Вот эти крестьяне все к нему очень хорошо относились. Был такой случай. Это в конце 1941 года. Страшный мороз. Нас, человек 100, выгнали убирать свеклу на поле, что осталась неубранной. Шли мы по горам, сошли вниз. Погнали в какую-то то ли школу, то ли клуб. Была какая-то одна большая комната. Папа вышел. Мы начали устраиваться, искать солому, чтобы положить на пол. Папа вернулся и позвал нас с собой. Одна женщина, из местных, узнала папу, побежала к мужу, и тот подошел к этому румыну, что нас охранял, не знаю, чем, заплатил, и тот разрешил забрать нас к себе. Они нас приняли, как они решились, ведь мы были грязные, наверное, вшивые, но они положили нас на печь. Накормили, помню, это были голубцы, прямо из печи. Очень вкусные. Обогрели. Утром мы должны были явиться на работу. И рассказывали, что там ночью творилось. Жандармы напились, приставали к девушкам. Страшно. Когда мы эвакуировались, то нас тоже оставили в селе Домницы. Плохих людей так не привечали. Папа был уже очень больной, и я встретила, хотя и нельзя было выходить, этого из Домниц, когда выскочила купить немного даже не молока, а как мы говорили колотухи, т.е. кислого молока. Вдруг я вижу этого Семена. Он меня расспросил, и я попросила нам помочь, нам ведь не на чем было даже спать. Он обещал. Мы договорились о встрече. Действительно, он пришел, но ничего не принес, сказав, что у них нет. Видимо, это жена ему не разрешила. В глаза мне не смотрел.

Какие были политические взгляды у деда?

Никакие. Не знаю. У бабушки были очень богатые племянники, их потом всех раскулачивали. Домашние дела старались обсуждать, чтобы я не слышала. Обычно, когда они приходили в бесамедреш, это небольшая синагога, не роскошная, а для простых людей. Он обязательно ходил в синагогу. Там он общался с людьми, они там все обсуждали.

Ездили ли ваши родные в отпуск?

Бабушка с дедушкой нет. А папа постоянно ездил в санатории в Одессу. Мы с мамой тоже ездили с ним. У нас же там были родственники. Папа среди родственников был самый обеспеченный. Имел зарплату, и он всем помогал. Хлебозаготовки это было страшное дело при советской власти. Были же обязательные поставки, и не выполнить их было нельзя. Когда мы жили в селе, то мы с мамой ему помогали определять влажность, засоренность зерна. Я помню, сидели и считали.

Вы ходили в детский сад?

Нет, конечно. Вокруг меня было слишком много взрослых. Мой папа никогда никем не командовал. Был очень добрым. Перед школой мне брали учителя, так как хотели, чтобы я пошла в украинскую школу. Но я вам рассказывала, как это было.

Опишите рыночный день в вашем городе.

Ходить на рынок – это было самое главное, дер марк. Я помню, в основном, уже во время войны и после. Куры покупали. Как это в семье не было кур? Каждый день были куры. А вот рыбы было мало, хотя и жили на берегу реки. Граница. Не везде и не всем можно было ловить. Какое-то было мясо кошерное. А в основном фасоль и куры. Это была наша основная еда. Бульон с фасолью сварить, потом мацу сделать, но не такую мацу, как сейчас, а с яйцом. Каждую неделю мама пекла хлеб. А вы представляете, какие тогда были печи! У нас же не было газа. Это потом появился примус, а раньше были печки в виде камина. И вот в этой печи варили и все делали. И поэтому когда этот чун ставили, печь была теплая, топили же, и все было раскаленным. Потом все остывало. Во всяком случае, до субботы оно было теплым. В пятницу все пеклось. Кугель- это типа бабки, с лапшой, с изюмом, с вареньем. Куры во всяком виде. Кисло-сладкое было принято кушать. Мясо готовилось не с томатом, а с лимонной кислотой. Цвет получался коричневый, как для жаркого. Я и сегодня так готовлю. Мы жили уже в Одессе и муж приезжая из летних лагерей, мама всегда готовила «эссе флейш» на идиш. Флейш – это мясо.

Как вы питались? Вместе с бабушкой?

Не помню. Но знаю, что мне бабушкины блюда нравились больше, чем мамины. Мама мне много масла мазала на хлеб, а бабушка меньше. У мамы хлеб был белее, чем у бабушки. А лапшу в молоке бабушка готовила лучше. Я любила варить лапшу в молоке. Творожных много блюд готовили. Пекли разные изделия, Штрудель, лейкес.

Были ли у вашей семьи постоянные торговцы?

Я не помню. Мы не все время жили в Рыбнице. Мне очень много читали и рассказывали. На идиш была вся французская классика. Я читала Мопассана «Малютка Рок». Книг было очень много. А потом мы брали книги в библиотеке. Я была так счастлива, что папа записал меня во взрослую библиотеку. Я до последнего брала книги.

У родителей был устроенный брак?

Не знаю. Но у них была идеальная семья. Отношения между ними были идеальными. Когда я была еще девчонкой, то стеснялась того, что папа обращался к маме только в уменьшительном имени. Мог ее поцеловать при моих подружках. Мне казалось это страшно некрасивым. Это было очень искренно. Потом уже в гетто, когда он перестал быть тем, кем был. Когда особенно его избили в жандармерии. Мама его даже ругала, что он не стеснялся просить даже у своих знакомых. Ей

казалось, что этим он меня позорит. Членом партии он не был. Но был очень уважаемый человек. Мама была тихая такая. Она была неглупая, но никогда не вмешивалась, даже когда уже жила с нами. Чтоб она когда-нибудь вмешалась! Я сюда приезжала к тете в Одессе, жила у них. Папина сестра тоже забрала нас всех. Это я сказала, что мы должны уезжать все вместе. Но по дороге рассеялись. Они доехали до Балты, а нас оставили в Домницах.

Вы помните, когда вы увидели первый автомобиль?

Нет. Но я помню, когда в городе появился первый экскаватор. Он стоял на площади. Все бегали смотреть. В Рыбнице были разработки камня.

А помните, как ехали в поезде?

Я плохо с детства переношу любой транспорт. В самолете я летела в 1963 году из Киева. Мне было очень плохо. Я потеряла всякий человеческий облик.

Помните, как были первый раз в ресторане?

В ресторан с родителями я никогда не ходила. Я помню, как построили ресторан в Рыбнице. Это была особая столовая. В голодные годы нас кормили в столовой в школе. Давали хлеб черный, чаек. После сильного наводнения, как пострадавших, кормили в столовой. Тогда я помню, первый раз ела кролика. А вот в театр ходили очень много. Как только появлялась какая-нибудь труппа, то обязательно шли. Вначале были еврейские, а потом и другие. Не было вечера, чтобы я не ходила. Билеты были недорогие. Ходила с подружками. А с родителями помню, как ходила пару раз в кино. В селе мы тогда были и приехала передвижная установка. Фильм назывался «Аборт».

Синагога была далеко от вашего дома?

Недалеко. Там рядом была еще портняжная синагога, большая. Он ходил в бесамедреш. Это была маленькая синагога. А между ними было такое построено небольшое здание, красивое, там были витражи. Помню, я была там пару раз с дедушкой, на симхистоир были, когда с красными флажками, с яблочками ходили.

А бабушка?

Бабушка ходила. Но ходили они не вместе. Мужчины были внизу, а женщины как бы на хорах. Там было закрыто, только окошечки. Заходили разными дверями.

Синагоги были до самой войны?

Эта портняжная стала клубом для кустарей. И так как кустари шефствовали над нашей еврейской школой, то я там часто бывала на всяких вечерах. Бесамедреш, кажется, был до конца. И потом, я же уезжала в 1937-38 году, да и дедушки уже не было в живых. Я не помню. Иврит мы не учили. Мне все рассказывали как мансыс. Как Мойша увидел мицраим, как пошел его убил, но не закопал в песок. И как куст начал с ним разговаривать. И как дали ему на испытании угли раскаленные, а ангел отвел его руку от золота. Мойша ведь был шепелявым.

Какие праздники Вы любили больше всего?

Пейсах был самый сильный праздник. К нему так готовились и так было хорошо. У меня была своя посуда, у всех была, конечно. Бокал «окейсалы», такого цветного стекла, фиолетового, даже скорее рубинового цвета, с ручечкой, специально для меня. Эта посуда стояла на чердаке, закрытая, ее снимали. Когда уже весь хумец сожгли, когда все убрали и была пасхальная обстановка, тогда приносили эту посуду. Диван застилали белыми накидками. Дедушка сидел в кресле, я помню. Фер кашес, четыре эти, ну знаете. Помню, что овечка и про палочку, больше ничего. Пурим тоже хорошо отмечался. Пекли ументаш само собой, а еще флудн. Теперь их почему-то не пекут. Как вафли и запекали ореховые с медом. Они были трехугольной формы. Очень много готовилось на Пурим. Трещотка, грегор, у меня была, я ходила с дедом. Шиз особенно никогда не праздновали. Но помню, что готовилось все молочное в основном, пирожочки. В молоке рис сваренный, а потом пирожочки. Борщ зеленый готовили на шиз. А праздновался он на 50 день после

пасхи, как троица. В начале лета, конце весны. А суккес, я только помню, что дедушка строил каждый год суку, у него были заготовки. Я не помню, чтобы там сидела. Лампа большая зажигалась, освещала все уголки, все было чисто. Для Илянувия, Ильи пророка, ставилось вино. Верили, что он придет и выпьет. Это было не позже 1-2 класса. Тети разъехались, вышли замуж.

Ваш сын этим интересуется?

Нет, хотя ему 53-й год. Он живет в таком окружении. Вокруг одни русские, хотя тренировок на этой почве нет.

Знает ли сын идиш?

Должен. Мы ведь с мамой говорили дома на идиш. Вроде знал тогда. Сейчас я ему говорю, понимает.

Принимаете ли вы участие в еврейской жизни в городе?

Нет. Я только ходила в ассоциацию узников. Иногда. Я страшно ленива. Я пришла домой. Не то я пришла, потому, что он очень болел. Я тоже была энергичной, ночью и днем была возле него и я совсем не чувствовала этой старости. А вот сейчас, когда осталась одна...

Вы получаете помощь от Гмилус Хеседа?

Да, конечно.

А какую-нибудь помощь из Швейцарии?

Вообще-то все узники, которые доказали, что они узники гетто, получали когда-то в два раза меньше, чем за границей. Они получали 500 марок, а мы 250. Но дают не по месяцам, а по кварталам. Если по евро, то 370 евро в квартал. Это примерно 100 долларов. Я хочу вам сказать: то, что, было, не откупится, не закупится, это страшное дело. Если бы немцы не давали этих денег, то кто бы их осудил? Но как это помогает чувствовать себя независимой. Пока я все раздала после мужа, сколько в Гмилус отдала.

Имя отца вашего отца?

Янкл, Яков. Родился в Песчанке и жил там. Наверно бывал в Рыбнице, когда папа женился. Говорят, он очень красивый был человек, я его не видела. Но зато жена у него была такая... Моя двоюродная сестра Соня Бару, мы с ней дружили и были как родные, она на 5 лет старше меня и 3 года как умерла. Была врачом в поликлинике. Она хорошо его помнит. Она хорошо помнила, как их раскулачивали, забрали самовар, а подставки на месте не оказалось и ее, ребенка просили, чтобы она искала эту подставку. Она была одна дома. У ее отца был какой-то магазинчик. Он начал работать, и тоже был с нами в гетто. Когда на меня наваливалась тоска, то его вызывали, и он меня успокаивал. Он умел уговаривать. Я боялась, что нас выгонят из гетто, а ведь только в гетто было спасение. Осенью начались акции, что семьи, где есть мужчины старше 50 лет, должны явиться на площадь со всеми вещами. А папа не пошел, ведь ему еще не было 50. Были и такие, которые могли не пойти, например двоюродный брат моей мамы Гурвиц С женой и детьми. Их угнали, и их нет. Они пропали. Угнали массу людей и они куда-то исчезли, рассеялись.

Значит, вторую жену вашего дедушки вы знали?

Да, она была с нами в гетто. Она очень хорошо ко мне относилась, она была матерью Абраши. Ее звали Мындл. Абрам был 1912 года рождения. Дедушка умер или до моего рождения, или сразу после, иначе я бы помнила разговоры.

Был ли он религиозен?

Я же вам рассказывала, что у него работа была в суде. Может, он что-то и писал, что-то в субботу, если этого требовало дело. Мои бабушка и дедушка были люди верующие, но не фанатики. Был у нас в гетто Хая Замкл, очень умный, как оказалось, так нам он казался придурочным. Потом, когда он уехал, то говорили, что он стал самым главным в Бруклине. Он каждый день ходил окунуться в Днестр. Ему выделили жандарма для сопровождения. Он в этом лапсердаке черном, с пейсами

ходил. У него своих детей так и не было. От нас гнали куда-то каждый раз на работу и погнали, куда то под Николаев, строить дорогу или мост, не знаю. Молодых ребят. Там были украинские жандармы. Что они вытворяли! Многие не вернулись, а те, что вернулись, были такие дистрофики, что погибали уже здесь, когда их пытались накормить. Этот человек знал Тору, законы, говорил, что и когда надо делать.

Как звали бабушку?

Шейна. Папа говорил Шейкалы, а мама была Молкалы. Я от этого страдала, т. к. не видела в других семьях такого отношения. Когда он приходил с работы, то приносил мне мое любимое заварное пирожное. У нас в городе было все, на моем столе часто валялся грильяж.

У вас была своя комната?

Да, небольшая. Стоял деревянный диванчик, что-то для книг, письменный стол. Коврик персидский висел на стене. Что заканчивала мама я не знаю, но у дедушки все дети были грамотные.

Тети были намного моложе мамы?

Не намного. К 30-му году они уже повыходили замуж. Тетя вышла замуж не по сватовству, а по любви. Ее жених не мог дождаться, когда моя мама выйдет замуж. Она была очень красивая, а он очень богатый. И родился мальчик, он на полгода был старше меня и погиб потом здесь в Одессе. Была еще сестричка, которая сейчас в Израиле, а тогда ей было 2 годика. Его возили на Слободку в Одессу, у него была саркома. Похоронили его в Одессе. Это тетя Фейга. Она осталась с двумя детьми. Шока фактически жил у нас. Папа им помогал. Младшая была с ней. Тетя потом работала в аптеке. Сначала уборщицей, а потом ей доверили развешивать. Тяжело было таким людям, которые не имели специальности. Раньше хоть была торговля. Ее по мужу сестры торговали, хотели и ее привлечь, но что-то не получилось. Перед советской властью у них что-то было. У нее был хороший дом, но в наводнение 1941 года он тоже пострадал, и когда она его чистила, то нашли бутылки с вином, которые муж ее закопал на бар-мицву сына, т. е. когда ему бы исполнилось 12 лет. Это было какое-то особое вино. Она прожила практически всю жизнь с нами.

Когда мама жила с вами в Одессе, она придерживалась праздников?

Нет. Она в субботу не ела хлеба. Могла готовить к праздникам специальные блюда, но не больше. А вот постов мы придерживались, даже я. Йом- Кипур – этот пост я соблюдаю с 1941 года. Когда пришли румыны в августе, мы были в Красных Окнах. Я сидела в доме, где было много беженцев. Была молодая, красивая, с косой. Зашли в комнату и обратили на меня внимание. Сказали, что вернутся. Поднялся переполох. Косы мне отрезали, надели платок, приложили к какому-то мужчине, что лежал. Но они пришли с заданием- выходи и все. Все начали меня выгонять, у всех свои дети. Люди эгоисты, но может так и надо. Мама пошла со мною рядом. Она немного знала по-румынски. И руки ему гладила, и целовала, и говорила ему. Мы стали на какой-то мостик, но не над рекой, и говорит мне: «Прыгай вниз». Я ответила, что мол ноги поломаю, а она мне – ты себе голову поломаешь. Я прыгнула. Он за мной. Но не трогал меня. Я считала, что чудо свершилось, что какой-то румын пожалел маму и меня. Это первые дни были страшные. Тогда я поняла, что бог хранил меня. И все были уверены, что меня отпустили не просто так. Уже в 1946 году, я уже была невестой, меня вызвали в органы и хотели, чтобы я дала показания против того из Домниц, что нас оставил у себя. Так этот офицер знал, что меня забирали румыны, и грозили рассказать жениху. Но против того из Домниц я не могла ничего плохого сказать, и потом, со мной-то ничего не случилось. У всех было такое впечатление, т.к. я вышла с ними и не вернулась. Ночью мы с мамой скрывались в каком-то курятнике. Папа нас нашел. А курятник был какого-то еврея и он на нас сильно кричал, мол, эти беженцы. Еще никто не знал, что кого ждет.

Потом еще раз нас собрали вместе. Кто-то дал нам одеяла, и меня и мою сестричку завернули в эти одеяла, и на нас сели. Был такой Айзин, еврей. Немного шизофреник, но он знал много языков. Так он начал говорить, что надо сдать столько-то часов, колец т.д. И люди сдавали. А потом, нужно давать девочек, а кто будет давать своих девочек? Нас не тронули, а других.. Вместо моих знакомых девочек пошла их мать Она была еще не старой женщиной, лет 35-36. Она пошла, но к офицерам ее не допустили, а к солдатам. Они не сильно издевались, но на нее потом вечно нападал смех без причины. Она была нормальная, но это было последствие шока. И снова нас выгнали, и снова нас гнали. Потом вообще выгнали из Красных Окон, и мы бродили по дорогам. А в Рыбнице меня тоже несколько раз с площади забирали. Попала я раз в дом к Раисе Ткач, она была комсоргом в молдавской школе. Она плохая потом было. Меня вроде взяли, чтобы я готовила кому-то. А она меня отговорила. Я накануне была на уборке и порезала руку. Рука забинтована, все грязная. Я говорю, что не могу готовить. И она меня поддержала. Вот что-то мне помогло. Мне лично. А моя мама была настроена, что лучше пусть со мной что-то случится, чем к ним в руки. У нее была бутылочка с чем-то, что могло вызвать смерть, если всю выпить. Мама ее держала ее при себе. Если бы были немцы, то они бы нас просто убили и все. А эти богачи, что у нас жили, говорили, что не узнают своих румын. Мол, они такие добрые, сентиментальные т.д. Румыны, ведь так нас почитали, особенно богатых. Мирча, что нас охранял, мы с ним были в хороших отношениях. Несколько раз собирались проводить акции против нас, но что-то срывалось.

Вы помните момент освобождения?

Конечно, помню. Это было в марте месяце, был очень теплый день. Я связала себе, научилась вязать в гетто и этим прирабатывала, такую кофточку. Шерсть принес папе кто-то из села. Было отступление. Румыны предложили уходить с ними, и бессарабцы с ними пошли. Но далеко не ушли и многих, потом отправили прямо в Сибирь. Войска шли днем и ночью. И в одну ночь шли власовцы, в основном нацмены. Говорили, что калмыки. Они мародерствовали, как волки. Была там тюрьма, где сидело человек 200. Кормили их ужасно, одним горохом. Мы ходили и носили им еду. Так они эту тюрьму расстреляли. Подождли. Кто выскакивал, расстреливали. Помню уже после освобождения, мы туда ходили и видели эти обгоревшие трупы. Мой муж, когда с армией зашел в Бухарест, а он очень любознательный, он зашел в лавку что-то купить. А там еврейка, разговорились. У нее, оказывается, были родственники у нас, а муж ей рассказал последние новости. Он там зашел в синагогу. Они увидели еврея офицера и к нему с почтением. Была осень, праздник Роше - шана. Его пригласили в какой-то дом на обед. Муж оторопел, какое было богатство. За каждым стоял лакей. На столе было все. Евреи сотрудничали с румынами, богатые конечно. Его там славили как еврея офицера. У нас там много на станции стояло вагонов со снарядами. Когда армия уходила, их взрывали. Грохот стоял страшный. Все бегали и не знали, что делать. Так продолжалось день-два. Потом вошли русские. Увидели майора и капитана на лошадях. Один был рыжий, оказалось еврей. Они были из СМЕРШа. Мы с подружкой сказали им, что хотим идти в армию. Они ответили, что армия без вас обойдется, вы, мол, свое отбыли. Потом с этим майором мы еще встречались, они хотели узнать, кто сотрудничал с румынами. Я потом уехала в Кишинев, а моя подружка Клара выступала на суде с показаниями. Ей это помогло потом быстро оформить документы о пребывании в гетто. Мне пришлось долго доказывать. Я два года доказывала. Мы носили белую звезду. А потом делали из 20 копеек эту звезду и носили как брошь. Были базарные дни. Мы могли два часа ходить на базар. Бывали облавы, и если ты был без этого знака, то забирали, и человек уже не возвращался. Как-то ко мне пристал какой-то молдаван или русский, не знаю, а я была без этих

знаков. И я переживала, как же мне сказать, что я из гетто. Но он со мной у ворот попрощался, он видимо сразу это знал. Т. е. он меня проводил.

Родственники за границей у вас есть?

Есть. В Германии сестра первого мужа с семьей. Еще там живет моя двоюродная сестра, дочь дяди Срула, ее фамилия Ищук. Они жили в Киеве. Он умер. Сын неудачно прыгнул и сломал позвоночник. Мальчик очень умный. Что-то закончил. У нее дочь заведует компьютерным залом в Берлине.